

СЕМЬ ПЕСНЕЙ

Сергей ХОРТИН

Стол в толпе, одинокий, как и всегда, и смотрел на него, на это юное лицо с почти совершенными чертами, и слышал первую песню. Песнь Приветствия. Наш новый Император, так вот ты каков... Тебе всего лишь пятнадцать, и ты никогда до этой минуты не видел нашего мира своими глазами. Он, одетый в чёрное и золотое, возвышался сейчас высоко над толпой,

на изящной трибуне, украшенной перемигивающимися самоцветами следящих систем, почти парящей в воздухе на тонких паучьих лапках из сверхпрочных сплавов, – и он поднял в жесте приветствия тонкую руку, раскрыв множеству глаз ладонь, помеченную татуировкой со знаком Высшей Церкви. И мгновением позже вся масса людей, заполнивших в этот час площадь Корона-

ции, пришла в движение и в едином порыве взревела. В воздух полетели мириады блёсток крошечных светодиодов, опускающихся затем к земле тихо, подобно легчайшему пуху. Кое-кто замахал высоко поднятым пирофакелом, и в вечернем небе разрослись цветы лазерной анимации, а чуть ниже, под ними, пронеслись, по-птичьи закладывая виражи, стаи снимающих происходящее дронов. Пожалуй, лишь я один стоял, скрепив руки на груди и не издавая ни звука, но на меня никто не обращал ни малейшего внимания, – все взоры были прикованы к тому, кто находился сейчас на невесомом мостике трибуны. Песнь Приветствия зазвучала громче, подобралась к кульминационной части, заполнив всё пространство переплетениями синтезированных тембров, и Император несмело улыбнулся, обводя взглядом раскинувшееся перед ним людское море.

Тягучий мрачный хор затянул вторую песню, Песнь Воспоминания. Люди замолкли, а на их вживлённые прямо в мозг модули связи стала поступать трёхмерная видекартина. Печальные кадры, знакомые каждому ещё с базовой ступени школы. Кадры, на которых была запечатлена сама боль нашего мира. И сейчас я тоже вместе с остальными видел руины городов, опалённые жаром Последней Войны. Где-то там, в прошлом, которое уже нам никогда не вернуть, был и мой родной город... Тогда он ещё назывался Санкт-Петербургом, бессмысленное ныне имя, – и мне было не узнать его здесь, на видео. Я помнил его совсем другим, живым, а потом... Потом мой город умер, навсегда, а я – почти умер вместе с ним... Я смотрел на сожжённые световым излучением леса – обширные чёрные мёртвые пространства. Лишь изредка искривлёнными короткими пальцами, уставленными в равнодушное небо, торчали посреди них остовы уцелевших неживых деревьев. Смотрел на попытки выживших захоронить в огромных братских могилах неисчислимое множество трупов – мера необходимая, но едва ли сильная для ослабленных людей. Смотрел на умирающих от лучевой болезни

детей, лежащих на сооружённых на скорую руку нарах в палатах убежищ... Слишком много страха было в их глазах, страха перед будущим, и собравшиеся на площади люди, рождённые в основном уже после войны, заглянули сейчас в эти глаза, и многие зарыдали. А я не плакал. Потому что выплакал все свои слёзы ещё в те времена.

И тогда откуда-то, в основном справа от меня, диссонируя с тихим шелестом множества всхлипов, раздались серии резких, как щелчки бичей, хлопков, а трибуна внезапно укрылась полупрозрачным голубым куполом, на котором заплясал во множестве разноцветных всполохов огонь аннигиляции. Треск нарастал, в нём слышался какой-то странный рисунок, своя неестественная полиритмия, – и вдруг оборвался. Потому что с площадок по сторонам трибуны вспорхнули вверх, подобно пчёлам, рои боевых дронов и устремились к пришедшей в беспорядочное движение толпе. Выискивая в ней кого-то, преследуя, нагоняя... Глупцы. Они надеялись, что, подобравшись к нему поближе, смогут пулями остановить неизбежное, смогут убить его быстрее, чем отреагирует автоматика. Безумцы... Чего было больше в этом поступке – отчаяния, безнадёжности или звериной жадности сохранить крохи своей тайной власти, подобно вцепившемуся в случайно найденный кусок гниющего мяса издыхающему от голода волку?

Я обернулся и наблюдал, как то тут, то там в толпе взмываются в воздух крошечные фонтанчики кровавых брызг. Это дроны, маленькими бурявами проникая в головы исполнителей покушения, отчаянно пытающихся сейчас сквозь плотные ряды людей проложить себе путь к спасению, запускали встроенные в свои насекомовидные брюшки механизмы самоликвидации. Жаль, что истинных авторов теракта так не достать – они спрятались где-то далеко, за бронированными дверями персональных убежищ и соприкасаются с миром, лишь напряжённым взглядом следя за происходящим на экранах стереоприемников. Трижды глупцы... Да даже если бы у них и

получилось – что с того? И такой вариант развития событий был предусмотрен... Могу представить сейчас, каково ныне их разочарование, как разбились все до того так долго возвращаемые надежды, – и то, как остро они сейчас чувствуют начало своего конца. Скорую расплату за то, что совершали в недавнем прошлом. Всё закончилось. В толпе задвигались, убирая оружие, неприметные до того момента люди, одетые в неброские серые костюмы рабочих сословий, и начали быстро, по-настоящему деловито, но притом как-то аккуратно, уносить тела убитых. Пришедшие на коронацию расступались, пропуская их, смотрели вслед. Рои дронов втягивались в бесчисленные отверстия пусковых площадок, готовые, если будет необходимо, снова отправиться на охоту. Прозвучали первые прозрачные, подобные печально звенящему хрусталу аккорды третьей песни, Песни Восстановления, и народ стал понемногу успокаиваться. Теперь транслировались другие картины, тоже полные боли, лишений, но в них уже проскальзывала надежда, и изредка – настоящая радость.

Дети, те, кто сумел выжить, росли, с рассвета до заката работая в полях. Голод был первым противником тогда. Голод, инфекции, убивающие ослабевших, анархия. Люди вне редких организовавшихся по принципу военной диктатуры поселений с хоть какой-то цивилизацией становились зверьём и охотились на других людей. Несколько первых лет, страшных лет, стали одной сплошной зимой – и именно тогда, во время жестоких морозных ночей и почти лишённых солнечного света дней, и погибло большинство тех, кто сумел выжить во время самой войны. Мир почти обезлюдел... Поля и работающие на них среди прочих подростки – это уже после, это уже почти счастье. Это уже тепло родных домов и шанс дожить до следующей весны. Это первые межпоселенческие договоры и совместные охоты на свирепствующие в горах и степях банды отморозков. Это жизнь.

И лишь долгие двадцать лет спустя появились первые государства, созданные на основе заключённых

ранее договоров. Я был тогда ещё молод, я помню, как это происходило. Каким бы это ни было странным, государства эти опасались вести друг с другом хоть мало-мальски крупномасштабные конфликты. Слишком велик был страх, страх перед тем, что уже случилось, перед новой войной, слишком сильна была память. словно бы появилось табу, которому следовал каждый из самопровозглашённых правителей. Однако это табу нисколько не мешало плести интриги и вести тайные, полные драматизма подковёрные сражения, устраивая провокации и диверсии, занимаясь шпионажем, а также устраняя неугодных всеми доступными способами.

Как бы то ни было, но в конце концов жизнь нормализовалась. Нужно было противостоять новой природе, гораздо более жестокой по отношению к человеку, нежели та, что была когда-то. Да, нам нужно было выживать – разведывать новые территории, бороться с возникающими из ниоткуда, неизвестными доселе болезнями и противостоять вспышкам старых, когда-то уже почти забытых. Нам нужна была развитая наука, способная ответить на возникающие каждый день новые вопросы, нужны были технологии, в первую очередь медицинские, нужны были машины, облегчающие физический труд. Нам нужно было торговать. И всё это мы постепенно получили... Так или иначе, правители вновь возникших государств пришли к соглашению о создании Конфедерации, единого надгосударства, дающего своим членам гарантии взаимопомощи, единого экономического пространства и льготного обмена технологиями. Процесс был непростым, и в Конфедерацию вошли не все – некоторые полуварварские образования за Уральским поясом, на территориях, которые когда-то назывались Сибирью, до сих пор влечат своё жалкое полунищенское существование. Но да, зато отдельно, да, что независимо. Ну что ж, это их выбор, его тоже можно, в конце концов, принять и уважать.

Возможно, они повторят когда-нибудь судьбу нашего противника в Последней Войне. Может быть...

Его территории сейчас чисты от присутствия человека. Болезни ли, вырвавшиеся из тесных коридоров военных биологических лабораторий, этому причиной, или что-то другое, ещё более страшное, – неизвестно. Но теперь континент за океаном считается проклятым, и никто ещё долгое время не осмелится посещать его. Лишь редкие научные группы иногда отправляются туда, чтобы вернуться почти ни с чем. И возвращаются не все.

...Раздался громкий рёв труб – это начиналась торжественная Песнь Пути. Наш будущий Император, стоящий сейчас в пересечении прожекторов дневного света и смотрящий в глаза каждому из нас с огромных мониторов, расставленных вокруг площади, вздохнул. Сейчас он побледнел ещё сильнее, чем в самом начале церемонии. Я присмотрелся к ближайшему изображению и заметил, как чуть-чуть дрожат его пальцы, поправляющие ворот. Постояв ещё несколько секунд, он медленно торжественно ступил на почти невесомую на вид дорожку, присоединившуюся за минуту до того к овалу трибуны. Зашагал по ажурному серебряному полотну, над площадью, время от времени останавливаясь и опираясь на невысокие металлические поручни, и сквозь синеватую дымку защитного поля оглядывая лежащую под ним толпу напряжённым взглядом.

Я знал, что сейчас он очень боится. Близился тот момент, к которому его готовили долгие шестнадцать лет. Судьбоносный момент как для него, так и для всего нашего мира. А он – просто мальчик, на плечи которого легла огромная ответственность, мальчик, у которого был выбор, но, по сути, не было возможности отказаться от правильного решения. Мостик вёл к большой металлической сфере. Сфера, жёстко подвешенная в паутине натянутых композитных тросов, с выходящими из неё в десятке мест толстыми кабелями, была прозрачна в верхней половине. В центре помещения, образованного этой верхней полусферой, стояло большое металлическое кресло, напоминающее троны древних правителей. Столь же изысканное, с бога-

той гравировкой, со вставленными в него крупными драгоценными камнями, и лишь выходящие кое-где из него кабели и сложные очертания механизмов позади спинки делали эту ассоциацию неполной. Будущий Император подошёл к сфере, и, обернувшись, помахал рукою, затем, чуть помедлив, протянул ладонь к обозначенному в стене проходу. На стене вспыхнул один из знаков Высшей Церкви, восьмиконечный крест, и створки двери разошлись. Юноша шагнул внутрь.

Кресло приняло его, и он, расслабившись, откинулся на спинку.

Секундой позже серебристые браслеты охватили его руки и плотно прижали их к подлокотникам. Ноги были перехвачены в нескольких местах. Рассечённое, одеяние пало, и полосы банджа притянули тело к спинке кресла, широкий ошейник пережал горло, на голову надвинулась решётчатая конструкция, отдалённо напоминающая шлем.

Юноша тяжело задышал, бледный, напряжённый. Попытался подняться. Он знал, что именно ждёт его, он готовился к этому, он шёл сюда по своей собственной воле. Но, похоже, в последние секунды страх начал преодолевать решимость, это явно читалось в его глазах. Губы задрожали.

Император закричал от дикой боли, когда тончайшие иглы Машины вошли в его мозг, разрушая его и воссоздавая уже новым, изменённым. Перестраивая на самом мельчайшем уровне, забирая часть его человеческой сущности и отдавая взамен часть сущности механизма. Зазвучала Песнь Страдания, и люди, наблюдающие за происходящим на экранах мониторов, задержали дыхание. Сочувствие легло на их лица, улыбки погасли.

Тело Императора дёргалось в агонии перестроения, однако бандаж держал крепко. В вены на тонких руках с проворством кусающих змей вошли иглы, и по присоединённому к ним прозрачным трубочкам потекла золотистая жидкость. Я знал, что происходят и вещи, невидимые для большинства зрителей, – сейчас спинной мозг юноши, испорченный

десятком миниатюрных скальпелей, точно так же изменялся, принимая в себя едва различимые глазом бу-синки имплантатов. Так человек становился машиной, так машина обретала человечность.

Через несколько минут Император уже не кричал, лицо его обрело безвольное выражение, глаза закатились, тело обмякло. Но это длилось недолго. Веки поднялись, но взгляд был взглядом совсем другого существа. Уставившись в какую-то точку далеко впереди, глаза этого существа не мигали, они как будто смотрели в другую, недостижимую для простого смертного реальность. Изменились и черты лица, хотя специально их никто и не менял – в этом не было никакой необходимости. Лицо стало напоминать неподвижную маску, маску мертвеца, – бледное, его черты заострились. Тот человек, который входил в Сферу Машины несколько минут назад, исчез навсегда.

Песнь Страдания закончилась, и повисла глухая, почти ничем не нарушаемая тишина. Люди ждали. И тихо-тихо заиграла шестая песнь – Песнь Возрождения. Звуки флейты становились всё увереннее, всё радостнее, к ним примешались другие инструменты – и толпа дружно выдохнула.

Шлем отъехал назад, разомкнулись браслеты на руках, опали полосы банджа. Тот, Кто сидел в кресле, встал. На Его лбу проступали мелкие, едва различимые капельки крови, тонкие красные струйки стекали с висков, в которые теперь были намертво вживлены металлические выступы имплантатов. Глаза Императора оставались всё теми же – не мигающими и смотрящими куда-то за пределы нашего мира. Он шагнул вперёд и двумя руками взял с поднявшегося из пола чёрного с золотым постаментом украшенную драгоценными камнями корону.

Двери перед ним разошлись, и теперь уже настоящий наш Император вышел к своему народу.

Мы все закричали, даже я, и в этом всеобщем возгласе ликования, в этом одном на всю людскую массу ощущении счастья потонули первые такты последней песни, Песни

Коронации, или, как её называли иначе, Песни Радости. Император, прямой, как молодая сосна, высоко поднял сверкающую в лучах искусственных солнц корону и водрузил её на свою голову, замыкая контакты имплантатов, навсегда присоединяя своё сознание к Машине.

И разума каждого из нас словно бы коснулась чья-то тёплая рука, рука отца, которого у нас так долго не было, и который обещал теперь исправить все ошибки, допущенные нами ранее, который никогда больше не бросит своих детей на произвол жестокой судьбы, который проведёт нас сквозь туманную дымку будущего к свету. Нашим отцом теперь была Машина, и нашим отцом был Человек. Нашим отцом было существо, рождённое из единства противоположностей, двойственное в своей природе и неразделимое в ней. Почти всемогущее, мудрое и справедливое. Наш новый правитель.

Голос раздался в разуме каждого из нас, голос, моделируемый вживлёнными в каждый мозг имплантатами связи:

– Мои подданные, я вернулся. Ваш Император вернулся. Империя вернулась. Дети мои...

И все молчали, внимая мощи этого голоса, и только Песня Радости продолжала звучать.

Я повернулся и зашагал к лаборатории, бывшей мне долгие годы рабочим местом и домом. Изношенное сердце отбивало последние удары жизни моего полумеханического тела. Датчики вряд ли ошибались, но я воспринимал то, что меня ждёт, спокойно. Пусть свершится неизбежное. Я был счастлив.

Едва слышно я шептал:

– Сын мой... Будь мудр и справедлив в своей силе. Не оставь без помощи слабого, не прогони от себя голодного. Накажи того, кто ради сиюминутной цели и удовольствия легко переступает через жизни других. Будь таким, каким я... каким я хотел тебя увидеть...

Потому что я был одним из создателей Машины, той, что смотрела сейчас на мир глазами человека.

И я знал, что теперь всё изменится.